

Дмитриева А. А., Петров П. К.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов цифровой трансформации правовых институтов в контексте стремительного развития технологий искусственного интеллекта. В работе рассматриваются ключевые направления трансформации: переосмысление правосубъектности применительно к автономным системам, эволюция института доказательств в цифровом пространстве, проблемы распределения юридической ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта, а также вопросы интеллектуальной собственности в условиях генеративных технологий. Наряду с этим анализируются механизмы противодействия киберпреступности, особенности регулирования персональных данных и информационной безопасности в контексте цифровой экономики. Проведенный анализ опирается на опыт как развитых, так и развивающихся правовых систем. Делается вывод о необходимости выработки согласованных правовых ответов на вызовы цифровой эпохи — как на национальном, так и на международном уровнях.

Ключевые слова: цифровая трансформация, искусственный интеллект, правовые институты, киберпреступность, электронные доказательства, интеллектуальная собственность, правосубъектность искусственного интеллекта, информационная безопасность, персональные данные.

Для цитирования: Дмитриева А. А., Петров П. К. Цифровая трансформация правовых институтов в условиях развития технологий искусственного интеллекта // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 95–104. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-95-104

Dmitrieva A. A., Petrov P. K.

DIGITAL TRANSFORMATION OF LEGAL INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Abstract. This article explores the processes of digital transformation of legal institutions in the context of the rapid development of artificial intelligence technologies. The paper examines key areas of transformation: the rethinking of legal personality in relation to autonomous systems, the evolution of the institution of evidence in the digital space, the problems of distribution of legal responsibility for harm caused by artificial intelligence systems, and the issues of intellectual property in the context of generative technologies. In addition, the paper analyzes the mechanisms for countering cybercrime, the specifics of regulating personal data and information security in the context of the digital economy. The analysis is based on the experience of both developed and developing legal systems. It is concluded that it is necessary to develop coordinated legal responses to the challenges of the digital age, both at the national and international levels.

Keywords: digital transformation, artificial intelligence, legal institutions, cybercrime, electronic evidence, intellectual property, legal personality of artificial intelligence, information security, personal data.

For citation: Dmitrieva A. A., Petrov P. K. Digital Transformation of Legal Institutions in the Context of the Development of Artificial Intelligence Technologies. *Problemy prava (Issues of Law)*. 2026. No. 1 (101). P. 95–104. DOI: 10.24412/2075-7913-2026-1(101)-95-104.

Цифровая трансформация, охватившая все без исключения сферы общественной жизни в начале XXI века, поставила перед юридической наукой и практикой задачи, не имеющие прецедентов в истории правовой мысли. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что темп технологических изменений существенно опережает способность права адаптироваться к новым реалиям: законодательные механизмы, формировавшиеся в доцифровую эпоху, обнаруживают очевидную недостаточность при столкновении с феноменами, порожденными искусственным интеллектом (далее — ИИ), роботизацией, метавселенными и децентрализованными финансовыми системами. В этой связи представляет интерес тот широкий спектр правовых проблем, который аккумулируется в международном научном пространстве вокруг данной тематики, — от вопросов субъектности автономных систем до правового обеспечения цифровой регистрации актов гражданского состояния в развивающихся государствах.

Следует отметить, что ни одно из направлений современной правовой науки не испытывает столь интенсивного давления со стороны технологической реальности, как уголовное право и криминология, процессуальное право, а также право интеллектуальной собственности. Именно в этих областях коллизия между традиционными правовыми конструкциями и новыми цифровыми феноменами проявляется наиболее остро. В то же время необходимо признать, что цифровая трансформация затрагивает и сферы административного управления, налогообложения, антимонопольного регулирования и международного частного права, создавая системный вызов всей архитектуре правового регулирования.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ ключевых направлений цифровой трансформации правовых институтов сквозь призму современных научных исследований, опубликованных в международном рецензируемом журнале в области цифровых технологий

и права, с выявлением общих закономерностей и выработкой концептуальных подходов к правовому регулированию в условиях технологической революции. Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач:

во-первых, исследование проблем правосубъектности и ответственности в сфере ИИ;

во-вторых, анализ трансформации института доказательств в цифровой среде;

в-третьих, рассмотрение проблем охраны интеллектуальной собственности в условиях генеративных технологий;

в-четвертых, изучение правовых механизмов противодействия киберпреступности;

в-пятых, обобщение опыта цифровой трансформации государственного управления и правосудия.

1. Правосубъектность и юридическая ответственность в контексте искусственного интеллекта

Начать необходимо с того, что наиболее острой теоретической проблемой, порожденной развитием технологий ИИ, является вопрос о правосубъектности искусственных агентов. Традиционная доктрина права исходила из бинарной модели: субъектами права признавались физические и юридические лица. Появление автономных систем, способных к самообучению, принятию решений и совершению юридически значимых действий, разрушает эту устоявшуюся конструкцию.

Исследуя юридические аспекты наделяния ИИ субъектностью на примере Нигерии, О. О. Икубани, А. О. Ойебанджи и А. А. Ойебаде фиксируют принципиальное противоречие: с одной стороны, автономность систем ИИ нарастает до степени, при которой игнорирование их правового статуса становится практически невозможным; с другой стороны, механическое перенесение категории «лицо» на искусственный агент сопряжено с серьезными теоретическими и этическими рисками [1]. Авторы полагают, что перспективным направлением является введение специального правового статуса — «электронного лица» — по ана-

логии с конструкцией юридического лица, которая также является правовой фикцией, призванной обеспечить участие нечеловеческих образований в правовом обороте.

В свою очередь, Г. Боуэн, анализируя феномен агентного ИИ, акцентирует внимание на том, что именно автономность принятия решений порождает наибольшие правовые риски [2]. Агентные системы способны действовать в динамичной среде без непосредственного участия человека-оператора, что ставит под сомнение применимость традиционных механизмов ответственности. Более того, в условиях, когда решение агентной системы невозможно ни предсказать заранее, ни полностью объяснить постфактум, возникает принципиальный вопрос о том, кто должен нести правовые последствия такого решения.

Д. А. Казанцев, рассматривая правовые механизмы распределения ответственности за вред, причиненный системами ИИ, констатирует недостаточность существующих деликтных конструкций для урегулирования возникающих отношений [3]. Традиционные доктрины — строгой ответственности, ответственности за вину, ответственности работодателя за действия работника — применяются к системам ИИ лишь с существенными оговорками и в значительной мере не отражают специфики технологии. Отсюда следует вывод о том, что необходима разработка специальных правовых режимов, учитывающих уровень автономности системы, степень предсказуемости ее поведения, а также характер и объем контроля, осуществляемого человеком.

Наряду с вопросами гражданско-правовой ответственности особого внимания заслуживает проблема этических последствий применения ИИ. К. Афувапе, исследуя этические и правовые аспекты создания объектов интеллектуальной собственности с участием ИИ, справедливо подчеркивает, что вопросы авторства, владения и ответственности образуют неразрывный нормативный комплекс, требующий системного правового ответа [4]. Автор полагает, что применение традиционных правовых категорий к результатам деятельности ИИ без их предварительной концептуальной переработки рискует привести к правовым аномалиям, когда ни один субъект не несет реальной ответственности за причиненный вред.

Чрезвычайно важно в данном контексте и исследование Н. Коэлью, посвященное нейрохакингу как новому виду противоправного воздействия на нейронную информацию человека [5]. В условиях развития интерфейсов «мозг — компьютер» угроза несанкционированного доступа к нейронным данным приобретает принципиально новые правовые измерения, поскольку речь идет о вмешательстве не просто в информационную, но и в физическую и психическую сферу личности. Следует отметить, что существующее законодательство большинства государств не содержит специальных норм о защите нейронной информации, что формирует существенный пробел в системе правовой охраны личности.

2. Электронные доказательства и цифровое судопроизводство

Перейдем к следующему вопросу, не менее значимому для правовой системы, — проблеме электронных доказательств и цифровизации судопроизводства. В этой связи следует признать, что трансформация института доказательств под воздействием цифровых технологий является одним из наиболее практически значимых направлений правовой адаптации к условиям информационного общества.

Г. Варбанова, исследуя электронные доказательства как самостоятельный правовой феномен, убедительно демонстрирует, что европейская правовая традиция постепенно движется к признанию электронных доказательств отдельной категорией, обладающей специфическими характеристиками с точки зрения допустимости, относимости и достоверности [6]. Автор подчеркивает, что ключевой проблемой остается волатильность цифровых данных: в отличие от традиционных доказательств, электронные данные могут быть легко изменены, уничтожены или сфальсифицированы, что требует выработки специальных процессуальных механизмов их верификации и хранения.

Г. Н. Зубов, анализируя место цифровых фонограмм, видеограмм и видеофонограмм в системе электронных доказательств, предлагает оригинальную теоретико-методологическую классификацию, позволяющую более четко разграничить различные виды аудиовизуальных цифровых объектов с точки зрения их процессуального статуса [7]. Исходя из особенностей технической природы указанных объектов, автор обосновывает

необходимость дифференцированного правового регулирования порядка их получения, фиксации и исследования в ходе доказывания. Данный подход представляется весьма перспективным, поскольку нивелирует чрезмерно широкое толкование понятия «электронное доказательство», при котором различные по природе объекты объединяются в единую категорию без учета их существенных различий.

Весьма любопытным в данном контексте является исследование М. Ч. Огвеззи, посвященное влиянию пандемии COVID-19 на трансформацию судебной системы Нигерии — переходу от традиционного к цифровому правосудию [8]. Пандемия обнажила латентные противоречия в системе правосудия: с одной стороны, она резко актуализировала потребность в дистанционных судебных процессах; с другой — выявила серьезные инфраструктурные, правовые и социальные барьеры на пути цифровизации судопроизводства. Опыт Нигерии, как показывает автор, весьма репрезентативен для широкого круга развивающихся государств, вынужденных в сжатые сроки адаптировать судебные системы к новым реальностям. В итоге можно констатировать, что пандемия сыграла роль своеобразного катализатора цифровой трансформации правосудия, резко ускорив процессы, которые в обычных условиях заняли бы десятилетия.

Особо следует выделить проблему объяснимости ИИ применительно к судебным и квазисудебным процедурам. Н. Бхатт и Дж. Н. Бхатт, разрабатывая концепцию универсальных ключевых показателей эффективности для объяснимого ИИ в контексте правовых традиций стран «Большой двадцатки», убедительно обосновывают, что применение ИИ в правосудии без обеспечения его прозрачности и объяснимости несовместимо с фундаментальным правом на справедливое судебное разбирательство [9]. Более того, отсутствие стандартизированных показателей оценки объяснимости ИИ-систем в правовом контексте существенно затрудняет как международное сотрудничество в данной сфере, так и формирование единых правовых стандартов.

3. Интеллектуальная собственность в условиях генеративного искусственного интеллекта

Далее при рассмотрении вопросов цифровой трансформации правовых ин-

ститутгов нельзя обойти стороной область интеллектуальной собственности, которая, пожалуй, претерпевает наиболее радикальные изменения под воздействием генеративных технологий.

К. С. Амит Шриарам, анализируя авторское право перед вызовами генеративного ИИ на примере судебной практики и законодательных стратегий Индии, США и Европейского Союза, констатирует принципиальный разрыв между традиционными правовыми доктринами и новыми технологическими реалиями [10]. Традиционная концепция авторства, восходящая к просветительской идее «творческого гения», предполагала неразрывную связь произведения с личностью его создателя-человека. Генеративный ИИ, способный создавать тексты, изображения, музыку и иные объекты, неотличимые от созданных человеком, разрушает эту концептуальную основу. Автор показывает, что различные юрисдикции принимают неодинаковые стратегические решения: одни склонны расширительно толковать понятие авторства, включая в него разработчиков ИИ-систем; другие занимают позицию, согласно которой произведения ИИ вообще не подпадают под режим авторско-правовой охраны.

К. Афувапе в своем исследовании этических аспектов применения ИИ при создании объектов интеллектуальной собственности выявляет еще один важный пласт проблем — вопрос об ответственности за возможный вред, причиненный использованием произведений ИИ [4]. Иными словами, даже если отвлечься от дискуссии об авторстве, остается открытым вопрос о том, кто несет правовые последствия, если созданный ИИ контент нарушает права третьих лиц, дискриминирует отдельные социальные группы или содержит иные противоправные элементы.

В добавление к вышесказанному следует обратить внимание на исследование Д. Э. Отиги, посвященное налогообложению робототехники как инструменту защиты рынка труда на примере Нигерии [11]. Хотя данная работа посвящена преимущественно налогово-правовым аспектам, она органично вписывается в общую проблематику правового регулирования технологий замещения труда. Автор убедительно демонстрирует, что внедрение роботизированных и ИИ-систем влечет масштабные социально-

экономические последствия, на которые право обязано реагировать — в том числе фискальными инструментами. Применительно к развивающимся экономикам эта проблема приобретает особую остроту, поскольку именно в них трудоемкие отрасли обеспечивают занятость наиболее значительных слоев населения.

Важно отметить, что особым направлением трансформации права интеллектуальной собственности является регулирование цифровых данных как объекта правовой охраны. Вопросы псевдонимизации персональных данных пользователей криптоактивов, исследованные И.К.О. Маюной, Р. Девантара и П. О. Руслиджанто на примере Индонезии, отчетливо показывают, что на стыке оборота данных, криптоэкономики и права интеллектуальной собственности формируется принципиально новая правовая зона, требующая специального регулирования [12].

4. Киберпреступность и международное правовое сотрудничество

В этой связи характерно то, что параллельно с трансформацией позитивных правовых институтов цифровизация порождает и новые формы противоправного поведения, к которым право вынуждено вырабатывать ответные механизмы.

Я. А. Абделькарим, анализируя Конвенцию ООН против киберпреступности и механизмы взаимной правовой помощи в цифровую эпоху, констатирует, что традиционные инструменты международного уголовно-правового сотрудничества — разработанные применительно к трансграничным преступлениям «физического» мира — с трудом адаптируются к специфике киберпространства [13]. Основная трудность, перед которой стоит исследователь, заключается в том, что киберпреступность принципиально игнорирует государственные границы, тогда как инструменты взаимной правовой помощи традиционно строятся на уважении государственного суверенитета и, следовательно, предполагают разграничение юрисдикций. Конвенция ООН против киберпреступности 2024 года представляет собой попытку преодолеть это противоречие, однако ее ратификация и имплементация сопряжены с серьезными политическими и правовыми трудностями.

Он же в другой работе исследует судебную аргументацию как механизм правовой защиты детей от цифрового сексуального насилия и детской порнографии

[14]. Данный аспект заслуживает особого внимания, поскольку цифровая среда существенно расширила возможности как распространения запрещенного контента, так и его сокрытия. Автор убедительно обосновывает, что эффективная защита детей в цифровой среде требует не только криминализации соответствующих деяний, но и выработки специфических судебных аргументационных стратегий, учитывающих технологические особенности интернет-среды.

А. Б. Лекунзе, исследуя влияние киберпреступности на электронную коммерцию в Камеруне, с убедительностью демонстрирует, что для развивающихся экономик киберпреступность представляет угрозу не только правовому порядку, но и экономическому развитию в целом [15]. Социально-правовые и экономические последствия киберпреступности в таких государствах носят особенно деструктивный характер, поскольку инфраструктура цифровой безопасности там значительно менее развита, чем в передовых экономиках.

Ф. Спайропулос, анализируя технико-правовые аспекты киберзапугивания, предлагает оригинальную концепцию структурного анализа дисбаланса сил в цифровой среде [16]. По нашему мнению, данный подход весьма плодотворен, поскольку позволяет рассматривать киберзапугивание не как единичный противоправный акт, а как проявление системных властных диспропорций в цифровом пространстве. Это, в свою очередь, открывает перспективы для разработки не только реактивных (уголовно-правовых и деликтных), но и проактивных (структурных и регуляторных) механизмов противодействия данному явлению.

Особым измерением проблемы безопасности в цифровом пространстве является деятельность центров обработки данных (далее — ЦОД). Н. И. Шумакова, исследуя международные основы правового регулирования индустрии ЦОД в арктических государствах и Антарктике, акцентирует внимание на особой геополитической и правовой специфике данных территорий [17]. Использование арктических и антарктических регионов для размещения ЦОД обусловлено климатическими преимуществами, однако порождает комплекс правовых вопросов, связанных с суверенитетом, юрисдикцией и обеспечением информационной безопасности. Следует отметить, что в данной

сфере международное право находится лишь в начальной стадии формирования, что создает серьезные риски правовой неопределенности.

М. А. Хади и М. Н. Абдулредха, разрабатывая концепцию универсальной системы управления информационной безопасностью, обосновывают необходимость выработки единых организационно-правовых принципов в данной области [18]. В самом деле, фрагментарность и несогласованность национальных систем управления информационной безопасностью создают «слабые звенья» в глобальной цифровой инфраструктуре, которые активно эксплуатируются киберпреступниками. Таким образом, унификация правовых подходов к управлению информационной безопасностью является не только теоретической задачей, но и насущной практической необходимостью.

5. Цифровая трансформация государственного управления и регулирования

Продолжим, перейдем к рассмотрению не менее значимого аспекта изучаемой проблематики — цифровой трансформации государственного управления и регулятивных функций государства.

Р. К. Ндиюн и Р. М. Муконза, исследуя цифровую трансформацию системы регистрации актов гражданского состояния Камеруна, убедительно демонстрируют, что для развивающихся государств цифровизация административных процессов открывает принципиально новые возможности повышения качества публичных услуг и обеспечения прав граждан [19]. Авторы приводят данные, свидетельствующие о том, что традиционные бумажные системы регистрации актов гражданского состояния в развивающихся странах страдают от целого ряда системных недостатков: высокой степени бюрократизации, коррупционных рисков, географической недоступности для жителей отдаленных районов. Цифровые технологии способны существенно нивелировать эти недостатки, однако их внедрение требует правовой базы, гарантирующей достоверность и юридическую силу электронных записей.

Р. С. Тошбоева, анализируя проблемы правового регулирования цифровых технологий в национальной кадастровой системе Узбекистана, выявляет типичные для постсоветских правовых систем противоречия между традиционными право-

выми конструкциями в сфере недвижимости и требованиями цифровой экономики [20]. Среди других проблем, с которыми сталкиваются страны при цифровизации кадастровых систем, автор особо выделяет вопросы юридической силы электронных документов, защиты данных о правах на недвижимость и обеспечения целостности цифровых реестров.

Весьма показателен в данном контексте и анализ правового регулирования платежей третьей стороной в Китае, предпринятый Л. Цзинжуном и Ш. Джигиром [21]. Китайский опыт примечателен тем, что демонстрирует возможность формирования зрелой правовой базы для регулирования цифровых платежных систем в течение относительно короткого времени при наличии политической воли и четкой регуляторной стратегии. Анализ рисков, связанных с платежными системами третьей стороны, и правовых механизмов их минимизации представляет значительный интерес для государств, находящихся на более ранних стадиях цифровизации финансового сектора.

К. Афувапе, в своей работе о правовых барьерах цифровых слияний и поглощений, исследует антимонопольное регулирование технологического сектора, констатируя серьезный методологический кризис традиционного антимонопольного права применительно к цифровым рынкам [22]. В самом деле, если исходить из классических критериев определения доминирующего положения на рынке, разработанных применительно к рынкам физических товаров и услуг, многие цифровые монополии могут оказаться за пределами антимонопольного регулирования — поскольку предоставляют услуги бесплатно, используя персональные данные пользователей в качестве «валюты». Автор полагает, что необходима принципиальная реформа понятийного аппарата антимонопольного права применительно к цифровому рынку.

Наряду с антимонопольным регулированием цифрового сектора особую правовую проблему представляет международная передача технологий. Н. Бхаскар, Дж. С. Магоге и С. К. Хашими, исследуя передачу технологий в эпоху военных конфликтов, убедительно показывают, что технологии все в большей мере становятся объектом правовых ограничений и инструментом геополитического давления [23]. Правовые вызовы в данной сфере

затрагивают одновременно международное торговое право, международное гуманитарное право и право интеллектуальной собственности, образуя сложный нормативный комплекс, требующий системного правового осмысления.

Особый интерес представляет и правовая регуляция юрисдикционных вопросов применительно к метавселенной. М. М. Маджумаев, разрабатывая многофакторную модель юрисдикции для децентрализованной метавселенной, констатирует принципиальную несостоятельность традиционных критериев определения места преступления в условиях, когда противоправное деяние совершается в виртуальном пространстве, не привязанном к какой-либо конкретной географической территории [24]. Следовательно, необходима разработка принципиально новых юрисдикционных моделей, учитывающих специфику децентрализованных цифровых сред.

Подводя итоги проведенного анализа, необходимо сформулировать ряд принципиальных выводов, имеющих теоретическое и практическое значение.

Во-первых, цифровая трансформация правовых институтов представляет собой не частичное обновление отдельных правовых норм, а системную реконфигурацию базовых правовых категорий — субъекта, объекта, юрисдикции, доказательства, ответственности. Все это определяет необходимость разработки принципиально новой правовой доктрины, способной описывать и регулировать реальность цифровой эпохи.

Во-вторых, анализ исследований, посвященных правовому опыту разнообраз-

ных государств — Нигерии, Камеруна, Китая, Индии, Индонезии, Узбекистана, европейских стран, — убедительно свидетельствует о том, что проблемы цифровой трансформации права носят универсальный характер, хотя их конкретные проявления и способы правового реагирования существенно варьируются в зависимости от уровня технологического развития, правовой традиции и институциональных возможностей той или иной правовой системы. Таким образом, выработка международных правовых стандартов в данной области является не только желательной, но и объективно необходимой.

В-третьих, из сказанного выше следует, что особую правовую озабоченность вызывает положение развивающихся государств в условиях цифровой трансформации: располагая значительно меньшими регуляторными ресурсами, они одновременно подвергаются не меньшим, а зачастую и большим рискам, связанным с киберпреступностью, цифровым неравенством и технологической зависимостью.

В-четвертых, наряду с правотворческими задачами исключительно важной представляется работа по адаптации правоприменительной практики к цифровым реалиям. Суды, прокуратура, следственные органы нуждаются в специализированных компетенциях и институциональных механизмах, позволяющих эффективно работать с электронными доказательствами, квалифицировать деяния в виртуальном пространстве и применять санкции к транснациональным цифровым субъектам.

Литература

1. Икубани О. О. Юридические аспекты наделяния искусственного интеллекта субъектностью: перспективы использования роботов в юридической практике в Нигерии // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2024. — Т. 2, № 4. — С. 835–856. — DOI 10.21202/jdtl.2024.41. — EDN FHNKJQ.
2. Боуэн Г. Агентный искусственный интеллект: правовые и этические вызовы автономных систем // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 3. — С. 431–445. — DOI 10.21202/jdtl.2025.17. — EDN PLTFWO.
3. Казанцев Д. А. Правовые механизмы распределения ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 3. — С. 446–471. — DOI 10.21202/jdtl.2025.18. — EDN RUZMXP.
4. Афувапе К. Этические последствия применения искусственного интеллекта при создании объектов интеллектуальной собственности: проблемы авторства, владения и ответственности // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 4. — С. 677–704. — DOI 10.21202/jdtl.2025.27. — EDN BURDTT.
5. Коэльо Д. П. Нейрохакинг в эпоху цифровизации и искусственного интеллекта: правовые аспекты защиты нейронной информации // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 3. — С. 397–430. — DOI 10.21202/jdtl.2025.16. — EDN SMGMXQ.

6. Варбанова Г. Электронные доказательства как самостоятельный правовой феномен: теоретические основы и европейская практика // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 3. — С. 497–511. — DOI 10.21202/jdtl.2025.20. — EDN JQHNUR.
7. Зубов Г. Н. Место цифровых фонограмм, видеограмм и видеофонограмм в системе электронных доказательств: теоретико-методологические основы классификации // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 4. — С. 636–659. — DOI 10.21202/jdtl.2025.25. — EDN QJHWGW.
8. Огвеззи М. Ч. Влияние пандемии COVID-19 на трансформацию судебной системы Нигерии: от традиционного к цифровому // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 2. — С. 338–362. — DOI 10.21202/jdtl.2025.14. — EDN UJSQXF.
9. Бхатт Н. Объяснимый искусственный интеллект и правовые традиции: разработка универсальных ключевых показателей эффективности для стран «Большой двадцатки» // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 4. — С. 660–676. — DOI 10.21202/jdtl.2025.26. — EDN UIUJCV.
10. Амит Шрирам К. С. Авторское право перед вызовами генеративного искусственного интеллекта: судебная практика и законодательные стратегии в Индии, США и Европейском союзе // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 4. — С. 598–635. — DOI 10.21202/jdtl.2025.24. — EDN XELTPK.
11. Отиги Д. Э. Налогообложение робототехники как инструмент защиты рынка труда: правовой анализ перспектив для развивающихся экономик на примере Нигерии // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 4. — С. 705–721. — DOI 10.21202/jdtl.2025.28. — EDN VLUYUG.
12. Маюна И. К. О. Псевдонимизация персональных данных пользователей криптоактивов: проблемы правового регулирования в Индонезии // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 2. — С. 275–303. — DOI 10.21202/jdtl.2025.12. — EDN LQYCMN.
13. Абделькарим Я. А. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности: имплементация концепции взаимной правовой помощи в цифровую эпоху // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 4. — С. 543–569. — DOI 10.21202/jdtl.2025.22. — EDN FTFSOB.
14. Абделькарим Я. А. Судебная аргументация как механизм правовой защиты детей от цифрового сексуального насилия и детской порнографии // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 2. — С. 203–221. — DOI 10.21202/jdtl.2025.9. — EDN GVMHZV.
15. Лекунзе А. Б. Влияние киберпреступности на электронную коммерцию в Камеруне: социально-правовые и экономические последствия // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 3. — С. 512–536. — DOI 10.21202/jdtl.2025.21. — EDN TNQLXY.
16. Спайропулос Ф. Техноэтические и правовые аспекты киберзапугивания: структурный анализ дисбаланса сил в цифровой среде // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 3. — С. 472–496. — DOI 10.21202/jdtl.2025.19. — EDN BVLGSU.
17. Шумакова Н. И. Международные основы правового регулирования индустрии центров обработки данных в арктических государствах и Антарктике // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 3. — С. 369–396. — DOI 10.21202/jdtl.2025.15. — EDN GCVUAW.
18. Хади М. А. Универсальная система управления информационной безопасностью: организационно-правовые принципы // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 1. — С. 125–142. — DOI 10.21202/jdtl.2025.6. — EDN XUJVTM.
19. Ндиюн Р. К. Цифровая трансформация системы регистрации актов гражданского состояния Камеруна: инновации в электронном управлении // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 1. — С. 7–34. — DOI 10.21202/jdtl.2025.1. — EDN EAQYQJ.
20. Тошбоева Р. С. Цифровые технологии в национальной кадастровой системе Узбекистана: проблемы правового регулирования // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2024. — Т. 2, № 3. — С. 544–564. — DOI 10.21202/jdtl.2024.28. — EDN BLQKUZ.
21. Цзинрун Л. Регулирование платежей третьей стороной: анализ рисков и правовых механизмов в Китае // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 2. — С. 259–274. — DOI 10.21202/jdtl.2025.11. — EDN KXEKJY.
22. Афувапе К. Правовые барьеры цифровых слияний и поглощений: анти-монопольное регулирование технологического сектора // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 2. — С. 304–337. — DOI 10.21202/jdtl.2025.13. — EDN NZBQNM.
23. Бхаскар Н. Передача технологий в эпоху военных конфликтов: правовые вызовы для международной торговли и международного гуманитарного права // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 2. — С. 222–258. — DOI 10.21202/jdtl.2025.10. — EDN IFIBFO.

24. Маджумаев М. М. Многофакторная модель юрисдикции: переосмысление места преступления в децентрализованной метавселенной // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Т. 3, № 4. — С. 570–597. — DOI 10.21202/jdtl.2025.23. — EDN ROWSAQ.

References

1. Ikubanni O. O. Legal aspects of endowing artificial intelligence with subjectivity: prospects for the use of robots in legal practice in Nigeria // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2024. — Vol. 2, No. 4. — pp. 835–856. — DOI 10.21202/jdtl.2024.41. — EDN FHNKJQ.
2. Bowen G. Agent-based artificial intelligence: legal and ethical challenges of autonomous systems // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 3. — pp. 431–445. — DOI 10.21202/jdtl.2025.17. — EDN PLTFWO.
3. Kazantsev D. A. Legal mechanisms for distributing liability for damage caused by artificial intelligence systems // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 3. — Pp. 446–471. — DOI 10.21202/jdtl.2025.18. — EDN RUZMXP.
4. Afuvape K. Ethical implications of using artificial intelligence in the creation of intellectual property: issues of authorship, ownership, and responsibility // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 4. — Pp. 677–704. — DOI 10.21202/jdtl.2025.27. — EDN BURDTT.
5. Coelho D. P. Neurohacking in the era of digitalization and artificial intelligence: legal aspects of neural information protection // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 3. — pp. 397–430. — DOI 10.21202/jdtl.2025.16. — EDN SMGMXQ.
6. Varbanova G. Electronic evidence as an independent legal phenomenon: theoretical foundations and European practice // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 3. — pp. 497–511. — DOI 10.21202/jdtl.2025.20. — EDN JQHNUR.
7. Zubov G. N. The place of digital phonograms, videograms and videophonograms in the electronic evidence system: theoretical and methodological foundations of classification // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 4. — pp. 636–659. — DOI 10.21202/jdtl.2025.25. — EDN QJHWGW.
8. Ogwezzi M. C. The impact of the COVID-19 pandemic on the transformation of the Nigerian judicial system: from traditional to digital // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 2. — pp. 338–362. — DOI 10.21202/jdtl.2025.14. — EDN UJSQXF.
9. Bhatt N. Explainable Artificial Intelligence and Legal Traditions: Developing Universal Key Performance Indicators for the G20 Countries // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 4. — Pp. 660–676. — DOI 10.21202/jdtl.2025.26. — EDN UIUJCV.
10. Amit S. Sriram. Copyright in the Face of Generative Artificial Intelligence Challenges: Judicial Practice and Legislative Strategies in India, the United States, and the European Union. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2025, Vol. 3, No. 4, pp. 598–635. DOI 10.21202/jdtl.2025.24. EDN XELTPK.
11. Otigi D. E. Taxation of robotics as a tool for labor market protection: a legal analysis of prospects for developing economies using the example of Nigeria // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 4. — pp. 705–721. — DOI 10.21202/jdtl.2025.28. — EDN VLUYUG.
12. Mayuna I. K. O. Pseudonymization of Personal Data of Cryptoasset Users: Legal Regulation Issues in Indonesia // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 2. — Pp. 275–303. — DOI 10.21202/jdtl.2025.12. — EDN LQYCMN.
13. Abdelkarim Ya. A. The United Nations Convention against Cybercrime: the implementation of the concept of mutual legal assistance in the digital age // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 4. — pp. 543–569. — DOI 10.21202/jdtl.2025.22. — EDN FTFSOB.
14. Abdelkarim Ya. A. Judicial argumentation as a mechanism for the legal protection of children from digital sexual violence and child pornography // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 2. — pp. 203–221. — DOI 10.21202/jdtl.2025.9. — EDN GVMHZV.
15. Lekunze A. B. The Impact of Cybercrime on Electronic Commerce in Cameroon: Socio-Legal and Economic Consequences // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 3. — Pp. 512–536. — DOI 10.21202/jdtl.2025.21. EDN TNQLXY.
16. Spyropoulos F. Technoethical and Legal Aspects of Cyberbullying: A Structural Analysis of Power Imbalances in the Digital Environment // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 3. — Pp. 472–496. — DOI 10.21202/jdtl.2025.19. — EDN BVLGSU.
17. Shumakova N. I. International fundamentals of legal regulation of the data center industry in the Arctic states and Antarctica // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2025. — Vol. 3, No. 3. — pp. 369–396. — DOI 10.21202/jdtl.2025.15. — EDN GCVUAW.

18. Hadi M. A. Universal information security management system: organizational and legal principles // Journal of Digital Technologies and Law. — 2025. — Vol. 3, No. 1. — pp. 125–142. — DOI 10.21202/jdtl.2025.6. — EDN XUJVTM.
19. Ndioun R. K. Digital Transformation of the Cameroon Civil Registration System: Innovations in Electronic Governance // Journal of Digital Technologies and Law. — 2025. — Vol. 3, No. 1. — Pp. 7–34. — DOI 10.21202/jdtl.2025.1. — EDN EAQYQJ.
20. Toshboeva R. S. Digital Technologies in the National Cadastral System of Uzbekistan: Legal Regulation Issues // Journal of Digital Technologies and Law. — 2024. — Vol. 2, No. 3. — Pp. 544–564. — DOI 10.21202/jdtl.2024.28. — EDN BLQKUZ.
21. Jingrun L. Third-Party Payment Regulation: Risk Analysis and Legal Mechanisms in China // Journal of Digital Technologies and Law. — 2025. — Vol. 3, No. 2. — Pp. 259–274. — DOI 10.21202/jdtl.2025.11. — EDN KXEKJY.
22. Afuvape K. Legal Barriers to Digital Mergers and Acquisitions: Antitrust Regulation of the Technology Sector // Journal of Digital Technologies and Law. — 2025. — Vol. 3, No. 2. — Pp. 304–337. — DOI 10.21202/jdtl.2025.13. — EDN NZBQNM.
23. Bhaskar N. Technology Transfer in the Era of Military Conflicts: Legal Challenges for International Trade and International Humanitarian Law // Journal of Digital Technologies and Law. — 2025. — Vol. 3, No. 2. — Pp. 222–258. — DOI 10.21202/jdtl.2025.10. — EDN IFIBFO.
24. Majumae M. M. Multifactorial model of jurisdiction: rethinking the crime scene in a decentralized metaverse // Journal of Digital Technologies and Law. — 2025. — Vol. 3, No. 4. — pp. 570–597. — DOI 10.21202/jdtl.2025.23. — EDN ROWSAQ

Сведения об авторах

Дмитриева Анна Александровна — заведующая кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии НИУ «Южно-Уральский государственный университет», доктор юридических наук, доцент.

E-mail: dmitrievaaa@susu.ru

Петров Павел Константинович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии НИУ «Южно-Уральский государственный университет», доцент. Председатель коллегии адвокатов НО «Коллегия Адвокатов г. Челябинска».

E-mail: kollegiapetrov@mail.ru

Information about the authors

Dmitrieva Anna Aleksandrovna — Head of the Department of Criminal and Criminal Executive Law, Criminology of the National Research University 'South Ural State University', Doctor of Law, Associate Professor.

E-mail: dmitrievaaa@susu.ru

Petrov Pavel Konstantinovich — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology of the National Research University 'South Ural State University', Associate Professor. Chairman of the Bar Association 'Chelyabinsk Bar Association'.

E-mail: kollegiapetrov@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.
There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 12.01.2026

Дата рецензирования / Received: 07.02.2026

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 20.03.2026

